

Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году: монография.

Самара: ПГСГА, 2014. 184 с.; илл.

В современной отечественной историографии история российской революции 1917 года находится в эпицентре исследовательских усилий ученых. Они раскрывают многие аспекты тех судьбоносных событий, которые, выражаясь языком очевидца революционных катаклизмов Д. Рида, буквально «потрясли мир»¹. Алексей Борисович Щелков показал себя в своей монографии компетентным специалистом в сфере исследований региональной проблематики отечественной истории. Он избрал в качестве объекта исследования политическую систему российского общества, находившуюся в 1917 г. в процессе качественной трансформации, а предметом исследования – местные органы власти Временного правительства и их деятельность в Самарской губернии. На первый взгляд тема носит исключительно локальный характер. Однако рецензенты считают, что если согласиться с подобной оценкой, то она станет излишне категоричной. Ведь ученый в своей монографии предпринял попытку (и, надо сказать, небезуспешную) исследования процесса формирования новых органов власти. Он обратился к истории института Комитетов народной власти, комиссаров Временного правительства. Понятно, что проблема изучена применительно к отдельной административно-территориальной единице Российского государства – Самарской губернии. Но какая эта административно-территориальная единица? Самарская губерния являлась одной из крупнейших территориально-административных единиц Российской империи. К началу Первой мировой войны ее население составляло 3800,8 тыс. чел. Ее территория – 141590,49 кв. км. И по данным показателям исследуемый регион занимал седьмое место среди 51 губернии Европейской России². Следовательно, есть основания считать, что проблема, рассматриваемая в рецензируемом научном труде, несколько выходит за рамки традиционной характеристики как исключительно локального исторического исследования.

Высокое качество научной работы А.Б. Щелкова обеспечено в том числе и тем, что ее автор хорошо разобрался со степенью научной разработанности исследуемой им проблемы, что нашло отражение во введении в форме историографического обзора. Историк пришел к следующему заключению: отмечая бесспорные достижения отечественной историографии в исследовании структуры и работы органов местной власти, необходимо отметить, что и сегодня изучение этого вопроса с позиций выявления внутригубернских типологических особенностей остается нерешенной задачей [9]³. Повышению научного качества

данного исторического исследования всемерно способствовало и то, что оно выполнено на добротной источниковой базе, в состав которой вошли следующие группы источников: законодательные и нормативные акты центральных и местных органов власти, материалы официального делопроизводства, периодические издания за 1917 г., документально-статистические источники, мемуары. А то, что А.Б. Щелков проанализировал большой массив документального материала, извлеченного в интересах рецензируемой монографии из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), придало еще большую степень достоверности полученным ученым научным результатам.

К основным научным результатам, полученным в монографии и представляющим повышенный научный интерес, можно, по оценке рецензентов, отнести следующие:

1. Автор монографии, проанализировав материалы, отражающие деятельность Временного правительства по организации органов государственной власти на местах, пришел к выводу о том, что оно отказалось от реализации возможности организовать местную административную власть снизу. Комитеты общественных организаций, созданные народным движением, не получили официальной поддержки со стороны новой государственной власти. Представители российского либерализма, возглавившие правительство России, предпочли формировать власть сверху. После вхождения в состав Временного правительства представителей социалистических партий в его политике по организации власти на местах произошли изменения. Однако их паллиативный характер не позволил ликвидировать противоречия между центральными и региональными общественно-политическими силами, наметившиеся в предшествующий период. Наличие противоположных подходов к решению вопросов организации местной власти неизбежно должно было привести к противостоянию между общественно-политическими силами Самарской губернии и центральным правительством [39].

2. А.Б. Щелков пришел к выводу о том, что вхождение представителей Совета рабочих депутатов и представителей от самарского гарнизона в состав Комитета народной власти привело к радикализации его действий на этом направлении. Комитет отказывается от выжидательной позиции и начинает активно брать под свой контроль наиболее значимые учреждения в губернии. С конца марта 1917 г., когда к руководству Самар-

ским губернским Комитетом народной власти пришли представители Советов, Комитет народной власти предпринимает ряд шагов, направленных на усиление своей реальной власти [48]. Разногласия же, проявившиеся на II Самарском губернском крестьянском съезде между большевиками и представителями других политических партий в вопросе о принципах строительства государственной власти, отражали начавшийся отход большевиков от позиций, занятых ими по этому вопросу в марте 1917 г. [72]. В целом в Самарской губернии весной 1917 г. в основном была сформирована система Комитетов народной власти, охватывавшая все уровни, начиная с губернского и заканчивая сельским. При этом существенным фактором было доминирующее влияние в этих органах представителей революционно-демократических партий и течений, прежде всего социалистов-революционеров [78]. Во взаимоотношениях местных органов власти Самарской губернии и Временного правительства при решении большого круга вопросов местная власть, проявляющая инициативу, делающая попытки самостоятельно разрешить острые социально-экономические и политические проблемы, наталкивалась на противодействие центра, недовольного подобной самостоятельностью [84].

3. В монографии убедительно доказано, что в Самаре уже в начале марта 1917 г. четко обозначилось противостояние двух основных органов, претендующих на верховную государственную власть в губернии: Самарского губернского Комитета народной власти, с одной стороны, и самарского губернского комиссара Временного правительства – с другой [96]. Изучение финансового положения губернского и уездных комиссаров в Самарской губернии в 1917 г. позволило А.Б. Щелкову сделать вывод о том, что представители Временного правительства фактически не могли использовать в деле укрепления своей власти на местах такой мощнейший рычаг, как финансы [131].

4. Детальный анализ процесса борьбы за власть в Самаре в октябре-декабре 1917 года позволил ученому выявить своеобразие ситуации, сложившейся в Самарской губернии после Октябрьской революции: лозунг «Вся власть Советам!» был здесь неактуальным, поскольку представители Совета рабочих депутатов, Совета солдатских и Совета крестьянских депутатов уже контролировали большинство властных структур как в губернском центре, так и в уездах. Стоял иной вопрос: в руках каких политических партий, контролировавших Советы, окажется государственная власть: будет это самарский Совет рабочих и солдатских депутатов, где большинство принадлежало большевикам, которых поддерживали максималисты, либо власть окажется в руках политических сил, концентрировавшихся вокруг самарского губернского Совета крестьянских депутатов, возглавляемого эсерами. От этого зависело, на каких принципах

– классовых или общедемократических – будет вестись дальнейшее строительство органов государственной власти в Самарской губернии [137]. Со второй половины декабря 1917 г. в Самарской губернии Комитет народной власти перестает существовать как орган, претендующий на всю полноту власти в губернии [145].

При этом особенно следует выделить следующие обобщающие суждения исследователя:

1. После Февральской революции 1917 г. в Самарской губернии при широком участии народных масс активно идет процесс организации новых демократических органов местной власти. В губернском центре и большинстве уездных центров Самарской губернии достаточно быстро к руководству Комитетами народной власти пришли представители революционно-демократических сил, которые, несмотря на имеющиеся разногласия, работали в местных органах власти совместно вплоть до октября-ноября 1917 г. В этот период наиболее влиятельной политической партией в местных органах власти были эсеры [146].

2. В решении задач формирования органов местной власти подходы местных общественно-политических сил и Временного правительства не совпадали по принципиальным вопросам. Временное правительство стремилось сконцентрировать всю власть на местах в руках правительственных комиссаров, тогда как в Самарской губернии вся полнота власти оказалась у Комитетов народной власти, в большинстве своем контролируемых Советами, что и было закреплено в соответствующих местных нормативных актах. Комиссары Временного правительства в Самарской губернии оказались в положении чиновников, назначаемых местными Комитетами народной власти и полностью подотчетных им [146-147].

3. Историческое значение Комитетов народной власти состоит в том, что это был первый опыт непосредственного народовластия в Российском государстве, который затем был использован при организации выборов в органы самоуправления на основе прямого, всеобщего, тайного и равного голосования [147].

4. История становления структур местной власти в 1917 г. отражает те противоречия, которые демократические революционные силы России на отведенном им историей отрезке времени в начале XX в. так и не смогли решить [148].

5. Ошибка Временного правительства состояла в том, что оно, с первых своих шагов пойдя по пути восстановления централизованной административной системы, стремилось ограничить полномочия общественных структур функциями содействия, а не опираться на них. В итоге эта политика, как показывает опыт формирования органов государственного управления в Самарской губернии, надежд центральной власти не оправдала. С первых шагов своего существования центральные и местные властные структуры

вместо того, чтобы направить совместные усилия на решение конкретных неотложных проблем, стоящих перед российским обществом, занялись бесплодной борьбой друг с другом. Ошибки, допущенные Временным правительством в вопросе организации местных органов управления, в конечном итоге привели к укреплению влияния в обществе экстремистских политических сил и бессилию государственной власти [148].

Бесспорно, подлинным украшением монографии стали многочисленные фотографии, в том числе и уникальные снимки из архивных и музейных фондов. Да и перо у автора легкое. Исследование, несмотря на его строго научный характер, читается свободно. Его язык может быть понятен даже школьникам без всяких затруднений. Очень информативны приложения [161-175]. Особенно в плане насыщения их историческими персоналиями. Здесь ярко выразилась исследовательская позиция ученого, обозначенная во введении монографии: «Всем хорошо известны имена В.В. Куйбышева, А.П. Галактионова и других большевиков, в то же время мы практически ничего не знаем о С.А. Волкове, А.И. Кабцане, И.М. Брушвите и многих других активных участниках революционных событий в Самарской губернии в 1917 г. А ведь они в революционную эпоху были известны не меньше тех, чьи имена носят улицы города Самары» [4]. После выхода в свет рецензируемой монографии мы узнали больше о деятельности С.А. Волкова, А.И. Кабцана, И.М. Брушвита и многих других активных участниках революционных событий в Самарской губернии в 1917 г.

В то же время рецензенты отмечают, что монография Алексея Борисовича Щелкова не лишена и недостатков:

во-первых, удивляет, почему ученый так мало уделил внимания раскрытию методологических основ своего исторического исследования. Он пишет буквально следующее: «Успех в решении поставленных задач во многом определяется методологией исследования, поэтому основой работы является, прежде всего, принцип историзма, который способствует достижению объективности исторического анализа» [10]. Думается, что здесь не тот случай, когда краткость выступает в роли сестры таланта. В условиях плюралистического многоголосия, утвердившегося в современной российской исторической науке⁴, в том числе и наличия так называемого постмодернистского вызова, вносящего множество сложностей, необходимо более четко обозначать личностную методологическую позицию, преподнести ее в развернутом виде. Да и методологический тезис историка, процитированный выше, уязвим для критики. Нет сомнений, что принцип историзма способствует достижению объективности исторического анализа. Но в современной отечественной

методологии исторической науки принцип объективности выдвигают, как правило, в качестве самостоятельного, своего рода системообразующего принципа исторических исследований⁵;

во-вторых, представляется дискуссионной категория «свержение царизма», употребляемая ученым. Известно, что император Николай II, хотя и под давлением, но добровольно отрекся от престола. Видимо, было бы целесообразнее употреблять категорию «падение царизма»;

в-третьих, третья глава монографии [95-132] несколько перенасыщена нарративом.

Конечно же, такие недостатки не могли серьезным образом повлиять на снижение научного значения рецензируемой монографии. Они вообще носят дискуссионный характер.

Алексей Борисович Щелков выполнил очень необходимый и полезный научный труд. Нет сомнений, что материалы его монографии станут небезынтересными специалистам-историкам, преподавателям и студентам исторических специальностей, а также всем интересующимся отечественной историей и историей Самарского края.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957.
- ² Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С.11-13, 18-20.
- ³ Здесь и далее в квадратных скобках будут указываться номера страниц рецензируемой монографии. – Примеч. рецензентов.
- ⁴ См., напр.: Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. №8. С.3-20; Междисциплинарный синтез в истории и социальной теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М., 2004; *Ипполитов Г.М.* О новых подходах к освещению советского периода российской истории (на примере Гражданской войны в России) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т.13. №3(41). С.222-228.
- ⁵ См., напр.: *Ипполитов Г.М.* Объективность исторических исследований. Достижима ли она? Дискуссионные заметки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Т.8. №3 (июль – сент.). С.676-688; *Байбакова Л.В.* «Может ли история быть объективной?» – Международная научная конференция на истфаке МГУ // Новая и новейшая история. 2012. №3. С.3-40.

*Доктор исторических наук, профессор,
научный сотрудник научно-исследовательского
отдела Военного университета Минобороны РФ*
В.Н. Воронов

*Доктор исторических наук, профессор
кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Вольского военного института
материального обеспечения*
В.Е. Ефремов